

HUNTERS AND VICTIMS

18+

САША ХЕЛЛМЕЙСТЕР

БОЛЬШАЯ ОХОТА КРИКА

Полюбить своего убийцу, чтобы выжить

Коллекция странных дел

Саша Хеллмейстер
Большая охота Крика

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хеллмейстер С.

Большая охота Крика / С. Хеллмейстер — «Эксмо»,
2024 — (Коллекция странных дел)

ISBN 978-5-04-248272-4

Финал истории, объединившей триллер, хоррор, мистику и dark romance. Идеальное чтение для поклонников «Как поймать монстра», «Мое сердце – бензопила» и «Преследуя Аделин». Серийный убийца по прозвищу Крик взывает с жителей Скарборо последнюю кровавую плату. Вместе с Лесли Клайд он готовится к ритуалу, который навсегда свяжет их особыми узами и спасет от преследования жестокой богини Иктоми. Однако Иктоми не желает отпускать маньяка и его возлюбленную. В мире Овхары, где оживают мрачные индейские легенды, охотник и жертва должны встретиться вновь, чтобы сыграть в игру на выживание и выбраться из бесконечного цикла убийств. Теперь Крик и Лесли не помнят друг друга и того, что их связывало. Он знает лишь, что должен убить ее, а ей приходится бежать, чтобы спастись от его ножа. Но чтобы победить, им надо полюбить друг друга вновь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248272-4

© Хеллмейстер С., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Плейлист	6
Пролог	8
Глава первая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Саша Хеллмейстер

Большая охота Крика

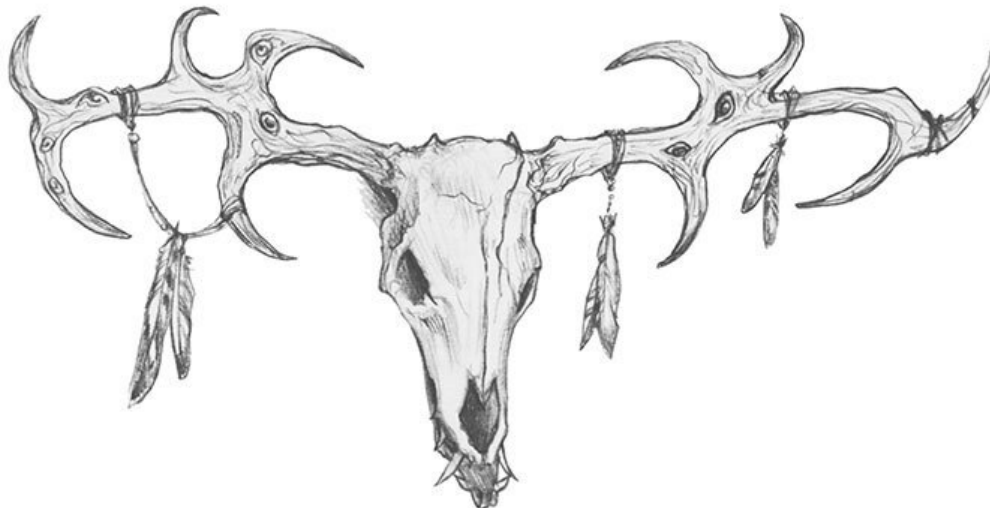
© Хеллмейстер С., 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Иллюстрация на переплете и внутренние иллюстрации – Nista

Иллюстрации в блоке текста Евгении Лукомской

Плейлист

- 00| Join Me – HIM
- 01| Gone With The Sin – HIM
- 02| Half God Half Devil – In This Moment
- 03| Somewhere – Scream Silence
- 04| Disappear – Starset
- 05| Dead Valentine – Hell Boulevard
- 06| Elegy – Scream Silence
- 07| Туман и Пепел – EhoSevera
- 08| Бабочки в животе – EhoSevera
- 09| Don't Tell Me How To Live – Kid Rock, Monster Truck
- 10| Timeless – Guitar Slowed – Bankai, Slatti, Avelinmymood
- 11| Wicked Game – HIM
- 12| Bodies – Drowning Pool
- 13| Livin'In A World Without You – The Rasmus
- 14| Use Your Fist And Not Your Mouth – Marilyn Manson
- 15| Chihiro's Arc (Kagurabachi) – Ryutqc
- 16| Fragment (Slowed + Reverb) – Ocean Pegas
- 17| Sister Of Charity – The 69 Eyes
- 18| Click Clack – NIGYL
- 19| WASTE – KXLLSWXTCH
- 20| The Maere – Ofdrykkja
- 21| Killaz From Da NorthRaw – DJ PLAYASTATION
- 22| Somebody – Memphis May Fire
- 23| Love You To Death – STARSET
- 24| Adrenaline – Zero 9:36
- 25| The Harder We Fall – Ana Johnson
- 26| I Need My Girl – The National
- 27| Wayllunakusun – Alborada del Inka

- 28| White Dress – Lana Del Rey
- 29| Thunder – SATV Music
- 30| Church – Fall Out Boy
- 31| Soul of a man – Steve Stern
- 32| Where Is My Love – My Indigo
- 33| Let Us Burn – Within Temptation
- 34| Great Spirit – Lakota Lullaby
- 35| Bullet With a Name – Nonpoint
- 36| Second Chance – Darkhaus
- 37| Angels – Within Temptation
- 38| Almost Martyrs – Alex & Jake Parker
- 39| Supra Carma – Samael
- 40| Die For You – Starset

Пролог

Почти весь полет Виктор Крейн проспал у себя в кресле. Лесли досталось место возле окна: ну как досталось, он его уступил. Спать она не хотела, потому тихонько читала томик в мягкой обложке, потрепанный и старый, и никому не нужный до нее: поблекшие индейцы с почти стертymi от времени лицами, в перьях, с колчанами, ружьями и копьями смотрели из седел, под ними были пестрые лошади. Это был Фенимор Купер, «Последний из могикан». Лесли немного удивилась про себя, почему прежде никогда не читала Купера – будто раньше ее это совсем не интересовало. Раньше, но не сейчас.

Забытые хозяева забытой земли, которая теперь принадлежала кому-то другому: много кому, только не им. Вик заплатил за книжку доллар и двадцать центов: строго говоря, она стояла даже не на полке в магазинчике, где они купили бутылку воды и пару безделушек, а так, лежала среди других бросовых книжонок в картонной коробке возле запотевшего холодильника. Продавец подал им ее и два ловца снов, которые понравились Лесли. Они были совсем небольшими, украшенными один бирюзой, другой яшмой. Лесли восторгалась, она хотела привезти ловцов домой, маме и Хэлен.

– Неправильно собраны, – вдруг сказал Виктор, не подымая глаз.

Продавец сощурился, поглядел на него. Немолодой мужчина в очках, белый, в клетчатой рубашке и шортах. Он с неприязнью пожал плечами:

– Это почему же?

Виктор заплатил, убрал бумажник в задний карман джинсов и, взяв крафтовый пакет, в каких школьникам кладут сэндвичи с собой – только у них там было два ловца, ледяная бутылка воды и книжка с потемневшими смуглыми лицами, – пояснил:

– Центр ловца закрывать нельзя, а там у вас камень. Смысл ловца в том, что кошмары, пройдя через его сердце, застревают в паутине, а хорошие сны...

– Молодой человек, – прервал продавец. – Не морочьте мне голову. Какие камни, какие сны? Вам что-то не нравится? Я верну деньги, пожалуйста.

Вик усмехнулся и покачал головой. Лесли виновато улыбнулась, глядя на возлюбленного.

– Нет, не нужно, – добродушно сказал он и тихо посмотрел на нее в ответ. – Они же красивые.

Люди ненавидели таких как он, но продавали ловцы снов, придуманные его народом. Люди ненавидели таких как он, но гордились вертолетами «Апач» и боевыми ракетами «Томагавк». Совершенно никто не хотел переименовать Манхэттен, хотя название восходило к языку племени поухатанов. Они искони жили на земле, которая после их смерти стоила миллиарды долларов. Все порядочные налогоплательщики Америки спокойно обретались на землях Массачусетса, Дакоты, Миннесоты, Мичигана, Орегона, Иллинойса, Кентукки, Огайо, Небраски, Теннесси, Алабамы, и их не коробило с гордостью говорить: «Я из Небраски!», хотя, согласно социальному голосованию, большинством граждан коренные американцы считались неблагополучным слоем населения, третьего сорта людьми, и вообще, они злили всех тем, что не хотели отказываться от того, кем были когда-то и остались до сих пор.

Но двадцать пять штатов из пятидесяти носят индейские названия. Их имена проистекают из языков сиу-лакота, кри, оджибве, алгонкинов, ирокезов, делаваров. Граждане Америки ищут свободы, успеха, лучшей жизни на землях, которые им не принадлежали и толком принадлежать никогда не будут, пока живы те, кто помнит. Настоящие ее хозяева с ненавистью и непониманием смотрят на гору Рашмор, священную гору священной земли Блэк-Хиллс, которая для них все равно что для истовых католиков кафедральный собор, и лица четырех президентов, высеченные в величественных скалах, где прежде курился дым в честь их предков, где они возносили молитвы своим богам, приводят их в бешенство. Это не просто насмешка,

скорее плевков в лицо тех, кому правительство клялось не забирать Блэк-Хиллс после того, как поняли, что в кровавой войне за свою святыню индейцы будут сражаться до конца: но планы изменились, когда там нашли золото и признали, что земля слишком богата, чтобы отдавать ее краснокожим. Иногда благородные белые люди могут и нарушать собственные обещания, данные всего лишь дикарям. В конце концов, кто они такие? Умирающий народ, который только мешает процветать счастливому и обеспеченному рядовому американцу.

Глядя на все это, помня все это, Виктор Крейн думал, как иронично – продать индейцу ловец снов, сплетенный черт-те как. В его народе значение имела даже форма сети. У лакота и ирокезов она имела вид паутины, а у кри и тех, кто жил севернее, – рыбацкой сети. Круг плели из ивы, сеть – из грубых нитей или оленьих жил. Ловцы украшали ракушками, жемчугом, камушками, перьями. Их делали на счастье и для защиты самым близким, а не для того, чтобы придать комнате стильный вид. Вик помнил, как говорила Адсила, когда сгибала смуглыми морщинистыми руками, еще такими сильными, ивовую гибкую ветвь:

– Начало круга – рождение, конец – смерть. Мы проходим этот путь, сплетенный паутиной судьбы, которую предрешают нам боги. Круг замкнется, как замыкается цикл самой жизни. Тогда все плохое запутается в сети великого паука Иктоми¹, чтобы уйти с рассветом, а хорошее проскользнет в самое сердце ловца... И останется здесь. Тоже в сердце. Но уже твоим.

Ловцы были хрупкими и ехали в ручной клади, в рюкзаке Лесли. Вик сидел в кресле самолета и сонно клевал носом, пока наконец не уснул. Он слышал, как шелестят страницы книги, как дышит его Лесли, как она иногда возится, чтобы поменять позу, и задевает его коленом или плечом, – и Вика охватывал приятный покой. Ее дыхание было лучше всего на свете. У скольких людей он отнимал возможность дышать? С ними он навсегда связал себя смертью, с ней – жизнью. Было невыносимо думать, что ее тело потеряет тепло и мягкость, грудь перестанет медленно, спокойно подниматься, щеки поблекнут, кожа побледнеет, члены охватит трупным оцепенением. Уже много месяцев ему снился один и тот же кошмар: она лежала на палой листве среди леса, и издали ему казалось – она просто спит, свернувшись между древесных корней. Он подходил ближе, и сердце заходило от боли. Темнело в глазах, мир терял цвет, пульс стучал в висках и горле: Вик знал, она была мертва, мертва, и в этом виноват только он сам. Он с дрожью склонился над ней, не в силах прикоснуться. В тот миг его душа отлетала от тела, точно он сам был мертвец, но уйти в те светлые дали, которые предназначались его Лесли, он не мог – слишком много крови было на руках. Смерть разделяла их навеки. Ее определяла к свету. Его – во тьму. Он смотрел в ее лицо и не мог насмотреться. Ему жгло веки и щеки, будто голову сунули в раскаленные угли и держали силой, как тогда, в ту страшную ночь среди трейлеров, когда кругом был огонь. Последним в тех кошмарах он видел, как размыкались ее мертвые губы, и изо рта выползал чудовищно большой, размером едва ли меньше его, Виктора, кулака, черный паук...

Тогда Вик вскрикивал, тяжело дыша, и вскакивал, и садился в постели. Сердце стучало у него во всем теле, руки охватывал тремор, он был весь в слезах. Он плакал, потому что никогда никем так не дорожил, как ею, – и когда ее отнимали, лучше было бы, чтобы отняли его собственную жизнь. Однако это было слишком просто, слишком эгоистично: умереть самому и не видеть, что может стать с Лесли. Гораздо сложнее жить ради того, кого так сильно любишь, чтобы беречь его, покуда дышишь, и однажды все-таки неизбежно потерять.

Он вздрагивал в том сне, сне в воздухе между Техасом и штатом Мэн, и Лесли иногда поглаживала его смуглое запястье, лежавшее на ручке кресла. Когда она касалась его так, чувствовала, как он успокаивался, будто одно ее присутствие могло отогнать любую его тревогу, – и удивлялась, как менялись его черты, становясь из жестких и напряженных мягкими, близ-

¹ Иктоми – паук-трикстер в мифологии сиу-дакотов. Иктоми выступал как сеятель раздоров и вместе с тем культурный герой, изобретатель человеческой речи, покровитель наук, создатель ловца снов. Мог принимать любой облик.

кими, родными. Самолет легонько качнуло. Вик уронил голову себе на грудь. Медленно его руки сжались в кулаки. Под веками быстро зашевелились глазные яблоки.

Он что-то видел. Он что-то проживал. Он был совсем не с ней, не здесь.

* * *

Небо в Охваре всегда казалось пасмурным: оно существовало на границе света и тьмы вечными сумерками, но звезд здесь не было, и Вакхтерон² тосковал по звездам.

Он любил смотреть на ночное небо и угадывать созвездия. Он не всегда понимал логику наименования, схожесть с тем, в честь чего их называют, но быстро выучил карту звездного неба и мог ориентироваться по ней. В его душе была надежда, что люди, которые сделали больно ему и кому он сам принес много боли, очистились той кровью, которую он пролил, и вознеслись туда, даже если этого не заслуживали. Иногда он пытался вспомнить их имена, их лица, но не мог. Иногда что-то мелькало в его разуме, когда он отходил от заполошного бешенства охоты: картины прошлого, далекие и близкие, виделись как сквозь мутное стекло. Он помнил плач и собственную бессильную ярость. Он помнил взрывы и крики. Кто-то звал кого-то сержантом: он был на войне? Если да, то в какое время и где он служил? За кого он бился и с кем? Где-то в его памяти воздвиглись остовы сгоревших домов. Нет, не только домов обычных... но и трейлеров. Пахло дымом и гарью, и от запахов этих ему становилось плохо. Маленькие ладошки колотились в темное окно. Помнил крики – звали на помощь, а он не пришел. Помнил, как тащил из тела чужие кишки, будто кровавую гирлянду. Помнил, с каким остервенением потрошил то ли человека, то ли оленью тушу, и руки были скользкими от крови. Помнил мольбы о прощении и пощаде. Помнил, что жалость из него вырвали, и он остался с дырой в груди, сам выпотрошенный, и никого прощать не хотел. «Ты настоящий герой, сынок, немногие поступили бы так. Я напишу об этом в рапорте». Слова скользили словно эхо. Помнил тьму и танец, и белые лица кругом. Ее руки обвивали его шею. Ей приходилось прижиматься к нему очень близко, она была маленькой рядом с ним – он наклонялся. Она дрожала и трепетала в его ладонях: он был полон гнева и нежности тогда. «Кем бы ни был этот ублюдок, мы его найдем: никто о нем знать не должен, иначе проблемы у нас будут огромные, гораздо большие, чем если он пришьет кого-то еще». Алые полосы, белая маска. Потрескавшаяся поверхность. Ложное лицо³...

Вакхтерон вздрогнул, когда услышал женский крик со стороны леса. Крик его встревожил и напомнил о статуэтке девушки, которую он вырезал – раз от раза вспоминая ее облик все лучше и детальнее. Он не хотел признаваться в этом, но думал о ней. Кто она такая и откуда он ее помнит?

Как если существовала бы цепь, протянувшаяся от его сердца к ее, кем бы та девушка ни была, – так цепь эта давила и сжимала с каждым днем все сильнее. Сначала тонкая, будто нить, она становилась вся тяжелее и весомее, и Вакхтерон порой растирал себе грудь и тяжело дышал, замирая на некоторое время, как человек, у которого что-то нестерпимо болит. Сегодня боль стала сильнее и серьезнее. Он отложил нож, посмотрел на небо, увидел птицу: ту самую, странного ворона. Задумавшись, Вакхтерон склонил голову набок, сам похожий на ворона. Ни одной эмоции не было на его старой маске, так плотно припавшей к лицу, точно она сама лицо это заменяла. Ворон кружил над лесом, там, куда Вакхтерону и другим охотникам из прерий путь был заказан. Зачем им в лес? Там убивают другие. Лучше оставить их в покое. Лучше заняться своим делом.

² Вакхтерон (гуроны, ирокезы) – Безмолвный Крик, Кричащий.

³ Маски Ложных Лиц – ритуальные ирокезские маски, которые изображали духов, помощников людей. Маска была нужна не чтобы скрыть личность человека, а чтобы трансформировать надевшего ее человека в дух, воплощенный в этой маске.

Дым ничего не сказал ему, хотя заметил, что он встревожен. Вакхтерон по-индейски сел, положил руки на колени и стал смотреть на кромку леса, туда, где что-то манило и звало его.

Наконец он не выдержал и порывисто поднялся. Мистер Буги вскинул темные брови.

– Куда ты?

– Хочу взглянуть, что там происходит, близ Кикапо, – сказал Вакхтерон и проверил томагавк в ножнах на бедре.

– Тебе сейчас было мало крови?

Их Жатва кончилась, а та, что велась в лесу, их не касалась. Дым с интересом вслушивался, но не встревал пока. Вакхтерон пожал плечами.

– Ну, допустим.

Буги дернул щекой и прошелся подальше от края обрыва – по древним, выбеленным ветром и временем костям исполина, на чьем теле они втроем обретались. Буги с Вакхтероном стали друзьями; оба знали это, не говоря громких слов, и знали, что могли друг другу доверять. Теперь же Буги казался раздосадованным.

– Я говорю правду, – тихо заметил Вакхтерон.

– Не в этом дело, брось, – поморщился Мистер Буги. – Я тебе верю, но ты сам не свой в последнее время. Ты все больше молчишь, и мысли в голове у тебя ворочаются неважные. Я вижу это и чувствую. Я не хочу, чтобы ты встрял в неприятности.

– Вроде каких?

– Вроде тех, которые тебя ждут, если ты разочаруешь Богиню.

Вакхтерон отвернулся, щелкнул языком. От своего он отступить не желал. Буги не выдержал, раскинул руки:

– И все же, зачем ты туда идешь?

– Я бы не стал выпытывать истинные намерения у того, кто о них говорить не хочет, – вдруг подметил всегда молчаливый Дым и затянулся сигаретой.

Вакхтерон усмехнулся. Помолчал. Затем поманил Мистера Буги к себе. Тот подошел ближе и навис над другом, уперев руки в бока.

– Хочу повидать кое-кого.

Он сказал это тихо, так, словно хотел сохранить в тайне лишь между ними тремя.

– Кого? – нахмурился Мистер Буги.

Дым молчал, курил себе и все шурился, думал о чем-то своем. Вакхтерон не ответил. Только медленно вынул из кармана за поножами вырезанную из дерева статуэтку и поднес ее к глазам, словно оценщик – дорогой камень. Наконец-то она получилась такой, как он хотел. Изгиб плавного женского тела, длинная шея и голова, откиннутая назад. Длинная коса скользила за ее спиной, пару прядей Вакхтерон наметил на лице неглубокими бороздами, оставленными ножом. И, любуясь чертами, так запавшими ему в память, он сказал:

– Ту, с кем я прежде, подозреваю, был лично очень хорошо знаком.

* * *

Шло время, сменялись Жатвы, но не дни; здесь, в Овхаре⁴, непрерывным потоком крови и гнева длились вечные сумерки, и в страшном этом мире мы были что заживо схороненными в братской могиле – без спасения, надежды или света, мы скорбели по себе, дожидаясь, когда первая горсть земли упадет сверху и все будет кончено.

После Палача я долго не могла прийти в себя: меня сковало слишком сильным страхом, идти в лес опять и опять, чтобы пройти через те же муки, было невыносимо – но куда деваться?

⁴ Овхара (ирокезы) – буквально «тоннель», «полость в стволе огромного дерева», метафорически – переход между мирами в ритуальных сновидениях. Потусторонний мир индейских богов и чудовищ.

Либо меня безвозвратно растерзают тах-тах-кле-ах⁵, либо я попытаю счастья в борьбе за свободу.

Свобода... Все мы стремились к ней, толком не представляя, что будет, когда получим ее и получим ли вообще. Ни я, ни Майкл, ни Конни не знали, как отсюда выбраться, как не знали и те люди, которых мы изредка видели вдали в лесу – явно одного с нами горестного положения, однако раз за разом все мы упрямо пытались выбраться из ловушки, в которую угодили. Тяжело, к слову, бороться за то, чего даже не помнишь: теряется определенная мотивация, и все усилия сводятся к простому желанию не погибнуть самым мучительным образом, только и всего.

Иногда, разведя огонь среди деревьев и камней, мы с ребятами мечтали, что в очередной раз умрем – и чудом очнемся у себя дома. Где, не знали, но там было бы хорошо и безопасно, и день был бы днем, а ночь была бы ночью, и над головой были бы солнце и звезды. Иногда мечтали, что исчезнем навсегда и перестанем испытывать боль, страх, повторяющиеся муки, которые нам дарили безысходность и отчаяние. Не знаю, какое из этих желаний было сильнее, но нам отказывали даже в добровольной гибели, и это было страшнее всего.

Между Жатвами я коротала минуты, задумчиво перебирая в пальцах тонкую алую ленту, ленту с потрепанными краями и поблекшую, вида самого обычного, но для меня – дороже золота и драгоценностей, потому что она была частицей мира, из которого я пришла, а значит, самой настоящей. Иногда, поднося ее к ноздрям, я улавливала фантомные запахи, с которыми приходили отголоски быстрых воспоминаний.

Я слышала топот копыт и мужской смех, чувствовала на коже яркий солнечный жар, а в волосах – прохладный ветер. Я обнимала кого-то за плечи и зарывалась в волосы цвета темного каштана, расколотого и почернелого от времени. Все это казалось далеким прекрасным сном, в котором мне хотелось остаться навечно.

Ничто хорошее вечно не длится, тем оно и бесценно.

Мы считали Жатвы уже по привычке, полосую отвесную скалу тонкими зарубками, и каждый из нас оставлял свои отметины. Они были единственными свидетелями, словно говорящими: они были здесь, они были настоящими, они были живыми.

Я с трудом нацарапала куском острого камня одиннадцатую линию и, бросив его на землю, отряхнула руки. В эту Жатву мы двигались в обход другой группы, жившей у западной точки скал. С этими людьми мы были незнакомы. Сблизиться нам не давали. Лес, будто живой, путал тропы и постоянно менялся, подчиняясь только воле Охотников. Для нас было бесполезным запоминать направления: лес в одну Жатву не походил на лес в другую; мы пытались составить карту местности, но все было тщетно. К тому же Конни и Майкл рассказывали, как иногда жертвы подставляли друг друга, чтобы выжить и отвлечь внимание убийц от себя, и мы считали, что сблизиться с другими опасно. Меня учили не доверять никому. Словам друзей я покорно внимала, но вспоминала ту девушку с темной косой, увитой серебряными нитями ранней седины: девушку, которая вступилась за меня перед Палачом, а после, подчинившись ему, не по своей воле ушла. Я не питала к ней плохих чувств. Она хотя бы пыталась спасти меня, и мы обе понимали, что сделать она ничего не могла. Но одно мучило меня: почему он не убил ее? Каким секретом она обладала, если один из страшнейших убийц Овхары не тронул ее, а просто прогнал? Я пробовала осторожно разузнать о ней у Конни, но она не знала, о ком шла речь. «Ни один убийца никогда не отпускает своей жертвы», – твердила она недоверчиво. Но не привиделась же мне та незнакомка? Увы, больше мы не встречались, и со временем о ней пришлось забыть.

⁵ Тах-тах-кле-ах – в мифологии чероки ведьмы-оборотни, огромные совы с лицами уродливых старух. Похищают людей и проглатывают их, после отрывивая погадки из человеческих костей.

В то время мы шли близ ручья Кикапо – места, где орудовал жестокий и быстрый Барон Суббота. Бороться с ним было бесполезно. У нас не было ни оружия, ни цели победить, так что расправиться с ним мы не смогли бы. Потому мы решили обойти его стороной и сбежать. Кикапо отделял прерию от леса, и сердце мое билось в горле, ведь в эту Жатву мы прошли так далеко, почти до границы двух территорий! О том, что в прерии охотились убийцы еще более опасные, я старалась не думать.

– Держись близ меня, – шепнула Конни, двигаясь между омертвелых черных деревьев.

Лес становился все прозрачнее, и я заметила где-то там, сбоку от нас, как в глубине чащи скользили другие выживальщики со склонов горы. Я не пыталась помочь им или подсказать выход к ручью: никто из них тоже не помог бы мне. Я видела их неясные тени в мглистом тумане, только и всего. Потом вдали послышался сдавленный крик, и одного из них не стало.

– Он может появиться из ниоткуда, – сказала Конни и махнула мне рукой, исчезая в белесой пелене. – Идем.

Сначала нас было трое, но Майкл пропал из виду, то ли не пожелав идти с нами, то ли вынужденный отстать. Все в лучших традициях – разделись с друзьями по несчастью и будь убитым в два раза быстрее!

Конни бесшумно кралась между черных деревьев в отдалении, я неотступно следовала за ней. Туман стлался по мшистой земле широкими полосами, похожими на морские волны, и нас захлестнуло ими, когда я перешагнула через узкий ручей... Граница была пройдена, меня охватило волнение. Это был первый раз, когда я выбралась из леса, и теперь не знала, чего ждать. Стоило сделать шаг через незримую черту, как я оказалась совершенно одна посреди пустоты и белесой неизвестности, а затем почувствовала под ногами вовсе не мягкую почву, а асфальт. Хотелось позвать Конни, но это было равносильно самоубийству – и, собравшись с духом, я стала ждать, что будет дальше.

Туман рассеялся и отступил, как если бы исполин развел его гигантскими ладонями в стороны, точно театральные кулисы, чтобы показать любопытному зрителю место действия. Передо мной предстали дома в колониальном стиле, украшенные тыквами, черными флажками и горящими свечами: дома с лужайками, деревьями по бокам тротуара и машинами, поставленными у обочины. То была обычная улица, по краям окруженная клубящейся седой дымкой.

Хэллоуин? Здесь отмечали Хэллоуин! Я нерешительно остановилась, разглядывая пустую улицу пустого же городка. Ветер мел по дороге тусклые оранжевые листья, трепал зарыжевшие древесные кроны и плакат, повисший на толстых цепях и забрызганный застарелой, высохшей кровью – уже не алой, а бурой:

«Мистер Буги не любит Хэллоуин».

Брызги были такими, точно кому-то здесь полоснули по горлу и кровь фонтаном хлынула из раны.

При упоминании одного из страшнейших убийц Овхары я поежилась и развернулась, чтобы убраться отсюда поскорее, однако туман смыкался за мной такой плотной стеной, что, шагнув в него, я не увидела ничего дальше вытянутой руки. Мне пришлось вернуться, чтобы не бродить в нем вечно. Я отошла к обочине, держась дальше от центра дороги, а затем завернула за дом с верандой, выкрашенной в белый. У газона лежала груда увесистых камней, и, наклонившись, я подобрала один, с острой гранью: он удобно ложился в руку, и в случае чего я могла ударить им любого, кто нападет на меня. Мне стало чуточку спокойнее.

На пустых дорожках за углом никого не было, лишь вязкий туман, спускавшийся вместо неба над головами, да кривые кроны черных деревьев, украшенные редкой листвой, которая плясала под слабым осенним ветром. На одном из них, на узловатой ветви, сидел крупный черный ворон. Он пристально наблюдал за мной, сложив крылья, и я проводила его ответным взглядом, пройдя мимо.

Вдруг на стене дома, над жаровней для барбекю, где были брошены щипцы для мяса и на железной рукоятки висел покрытый багровыми пятнами фартук, проступила кровавая надпись:

«Что бы ты ни сотворил, хорошее или дурное, знай, твой конец предопределен: гореть тебе в геенне огненной, гореть!»

Я поежилась и поспешила убраться оттуда. Остаться одной в этом городке, на его пустой улице, мне не хотелось: я надеялась, что рано или поздно найду его границу и переступлю ее, чтобы попасть в прерию и встретиться, если повезет, с Конни и Майклом. Что же такое этот странный город? Неужели призрак чьего-то далекого воспоминания? Если так, значит, поблизости есть и убийца.

Напрягая слух, я осторожно попятилась, держась за стену рукой, и развернулась, чтобы пойти дальше... когда передо мной из тумана выступил человек в маске, украшенной кровавым раскрасом.

– Дьявол!– выпалила я и бросилась бежать, но он оказался быстрее.

Он нагнал меня в одно мгновение и, схватив за предплечье, рванул к себе.

– Увы для тебя, но кое-кто похуже.

Тогда я стиснула подобранный камень и, замахнувшись, ударила убийцу в висок. Короткого мига, когда пальцы его разжались, хватило: я стремительно бросилась прочь, однако он схватил меня за косу, намотал ее на кулак и притянул к себе, невзирая на мои болезненные стоны. Я пыталась ударить его снова, но он выкрутил мне руки, забрал камень и швырнул его в сторону.

– Нет, нет! Отпусти меня!

Он невозмутимо стиснул мое горло рукой, покрытой перчаткой, поднял меня на весу и впечатал в стену дома спиной. От страха – странно, но больно не было – мне удалось издать короткий протестующий хрип, и больше ничего. Я быстро улавливала страшные черты перед собой, и паника овладевала мной все быстрее. Человек в маске с кровавыми потеками и черными губами, с длинной темной косой, выправленной из-под рваной накидки с капюшоном, с томагавком на бедре... нет, нет, он не из лесных убийц. Меня обожгло страшной догадкой. Он же из прерии, я слышала, как Майкл и Конни говорили о нем. Говорили, как он быстр, неумолим и жесток и как расправляется с жертвами, выпуская им внутренности охотничьим ножом или томагавком. Точно наяву, я услышала фантомный хруст костей и представила, как лезвие топора вонзается в мою плоть. Меня охватила дрожь.

Это сам Вакхтерон!

Сжавшись, я смолкла и замерла в его руках, затравленно глядя в глубокие глазницы старой маски, сросшейся с ним так, что между кожей и ней не было ни единого зазора. Маску будто влили в его лицо. Трепеща, я ждала, что будет дальше, и ждала мук и страданий, но он, поглядев на меня так и этак со всех сторон, точно изучая, вдруг заговорил.

Голос у него был тихий и низкий. Вакхтерон подступился ближе и прижал меня к груди, и я почувствовала, как каждое слово вибрировало в ней:

– Тихо, милая, больше не кричи. Я буду ласков и вежлив, если хорошенько об этом попросишь и перестанешь драться. Может быть, тогда я тебя не трону.

– Пошел ты!– сипнула я, отчаянно впившись ногтями в его смуглую руку и пытаюсь отвести ее от своего горла. Но хватка у Вакхтерона была железной, а на боль он не обращал никакого внимания.

– Зачем же грубить?– удивился он.– Я прошу всего лишь о малости: о разговоре.

– С рукой на горле не просят!

– Тогда я требую,– ухмыльнулся Вакхтерон.– Успокойся: в эту Жатву свою жажду крови я утолил, потому сейчас отпущу тебя. Повторюсь, не вздумай бежать и не пытайся мне навредить, это тщетно и мы лишь зря потеряем время. Впрочем, солгу, если скажу, что ты меня не

восхитила. Редкие жертвы сражаются с охотниками. Однако тебе меня все равно не убить, а если побежишь, я легко тебя догоню, и тогда будет только хуже.

– Куда еще хуже...

– Я сломаю тебе ноги, чтобы не вздумала больше улизнуть.

Я оцепенела. Заметив ужас у меня на лице, он мягко рассмеялся:

– Вот это другое дело. Ты же умная девочка и не станешь выкидывать таких глупостей?

Ведь я даже не достал нож.

Элегантным жестом он повел другой рукой в перчатке, точно демонстрируя, что оружия при нем нет.

В следующий миг он уже поставил меня на землю и разжал руку, пристально наблюдая за тем, как я потираю шею и кашляю. С ненавистью взглянув на него, я произнесла:

– Однажды я выберусь отсюда, из этой проклятой дыры, но перед этим вдоволь полюбуюсь на то, как ты и другие такие же ублюдки будете корчиться от мучительной смерти.

– Очень напуган, – издевательски фыркнул Вахтерон и сложил на широкой груди руки, опираясь плечом о стену дома. – А теперь давай начистоту, малышка.

– Я тебе не малышка!

– Не суть. Ты малышка для меня во всех отношениях... – Он поглядел на меня сверху вниз, усмехнувшись, и продолжил: – Ты же знаешь, кто я такой.

– К несчастью, знаю.

Он кивнул.

– И я знаю, что у тебя большие проблемы с памятью.

– Увы, не настолько серьезные, чтобы забыть тебя.

– Я забываем, – шутливо развел он руками, вновь принимая прежнюю вальяжную позу. – Однако, видишь ли, меня постигла та же беда. Я ни черта не помню из прошлой жизни и не помню, кто я такой, однако хотел бы исправить это. Проблема только в одном. Мне нужно убивать, а тебе – умирать, чтобы вспоминать больше. – Вахтерон наклонил голову набок, точно хищная птица, заприметившая добычу. – Так если мы хотим одного и того же, давай поможем друг другу?

– Вот еще! – возмутилась я, расширив глаза. – Нашел себе родственную душу по клубу самоубийц! Я не намерена тебе помогать!

– Даже если тебе удастся хотя бы что-то узнать о своем прошлом? Не поверю. – Он выпрямился. – Я видел ворона, там, в небе, уже много раз. Он не похож на других воронов Овхары.

– Поздравляю тебя с этим, – буркнула я. – Иди и побеседуй с ним. При чем тут я?

– При этом, – невозмутимо сказал Вахтерон и из-за пазухи своей накидки достал что-то.

Он протянул мне предмет, завернутый в тряпицу, и я, метнув в бесстрастную кровавую маску осторожный взгляд, замешкалась.

– Что это?

– Сувенир. На память обо мне. Может, он что-то подскажет.

Оно было размером с мою ладонь, жестким и тонким. Я убрала кусочек накидки, которым Вахтерон жертвовал, чтобы это сберечь. Не ожидала от убийц Овхары такой сентиментальности. Но потом язык отнялся, а перед глазами потемнело. То была искусно вырезанная из дерева фигурка меня самой.

Слишком узнаваемые черты, образ, фигура, волосы... Даже лицо. Вахтерон стремился придать ей схожесть, и я не могла поверить, что это сделал он. Я отшатнулась:

– Что за черт?

Он мрачно отвел взор.

– Сам я не помнил, кем ты была, но руки мои помнили. Я не видел тебя до этих пор на этих же землях, но знал, что ты здесь. К тебе меня привел ворон. И я не думаю, что это случайность.

– Птица захотела, чтобы мы встретились и помогли друг другу вспомнить все?– Я с иронией улыбнулась.– Звучит слишком странно. Может, лучше просто прикончишь меня, мы разойдемся по исходным точкам и сделаем вид, что этой неловкой беседы не было? Ты явно не в себе.

– Чего тебе стоит немного помочь?– покачал он головой.– Я прошу о столь малом. Если я помнил тебя до того, как увидел, быть может, вовсе не обязательно убивать для этого? Кто знает, вдруг мы вспомним все вместе, потому что, я чувствую, чем-то мы связаны. А взамен я отведу тебя к ручью Кикапо: ведь ты же этого хочешь? Хочешь покинуть это место и пройти дальше? Чтобы никто не причинил тебе боли. Никто не заставил страдать.

Он смолк и сощурился и бросил на меня пронзительный взгляд. В прорезях маски я видела его темные холодные глаза. Они видели меня насквозь, по-настоящему видели, будто каждая смерть и рана, которые претерпевало это тело в Овхаре, были оставлены на коже шрамами. И хотя Паучиха делала так, что любые наши раны зарастали без следа, но кажется, Вахтерон видел мир иначе, своим особым, странным, пугающим взором.

– Я мог бы провести тебя и до дальнего предела, до конца прерий,– тихо продолжил он.– Туда, где начинаются Топи, мимо двух остальных убийц.

Я ушам своим не могла поверить: он это всерьез?! Я хмыкнула, конечно, ни секунды не доверившись ему, но разве теперь у меня был какой-то иной выход?

– Взамен ты просишь только...

– Разрешить мне пройти этот путь с тобой.

– И все?

– И все,– сказал он тише.

– Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

– Ниоткуда.

Вахтерон протянул мне руку, словно намереваясь договориться,– и было это так просто и так по-человечески, что я оторопела. Не желая лишний раз притрагиваться к нему, я с опасением посмотрела на ладонь, однако он не двигался – и, видимо, не собирался даже шагу сделать прежде, чем я не пожму ему руку.

И тогда я пожалала.

– Лесли,– медленно представилась я. Он стиснул мои пальцы.– Большого сказать не могу: не помню.

– Лесли...– повторил он, смакуя, и снова задумчиво склонил голову вбок.– Это уже что-то. Да... Да. Ты – Лесли. И как только я мог это позабыть?

* * *

– Так что же ты, просто вырезал мой облик по наитию?

Он пожал плечами, идя со мной бок о бок. Одна туманная улица сменялась другой, и декорации Хэллоуина становились все страшнее и мрачнее, а дома выглядели более и более запущенными, брошенными, неприветливыми, будто были живыми чудовищами, выжидающими, когда сумеют заманить нас поближе, чтобы поглотить. Поверить в то, что я неспешно брела по заброшенному туманному городу этого затерянного мира вместе с одним из страшнейших его убийц, было трудно, но мне пришлось взять себя в руки и принять как данность: это все взаправду, и сейчас от моих действий многое зависит.

Например, выживу я в эту Жатву или нет.

– Не знаю, насколько откровенным могу с тобой быть,– уклончиво сказал Вахтерон.

– Боишься довериться, но меня принуждаешь к честному разговору!– возмутилась я.– Разве это правильно?

– Так откажись, – невозмутимо сказал он. – Правда, такого отказа ты физически не переживешь.

– Как-то это двулично, не находишь? Да какая мне тогда разница, когда и как...

Но договорить не успела, потому что Вахтерон вдруг метнулся ко мне. Быстро зажав мой рот ладонью, он вскинул голову, чутко вслушиваясь в тишину безмолвного города. Ни звука не издав, он оттащил меня в сторону. Мы притаились за углом старого дома, в тених террасы с низкой крышей, поросшей диким плющом.

Первая моя реакция была справедливой. Я от души укусила Вахтерона за ладонь, но он лишь вздрогнул, и выше поднялась грудь, к которой он так крепко меня прижимал. Внезапно я услышала почти незаметный шорох над нашими головами. А затем на дорожку упало множество длинных теней, и фонари, едва горевшие по обе стороны улицы, потускнели, и свет в них задрожал.

Вахтерон медленно пятился все ближе к стене мертвого дома, неотрывно наблюдая за небом, в котором послышался шелест могучих крыльев. А затем осмотрелся и быстро забился вместе со мной под крышу террасы. Тогда он осторожно убрал руку с моих губ, хотя тут же прижал к ним указательный палец. Это было немое предупреждение: молчи.

Я понятливо кивнула, не собираясь шуметь. Встретиться с тем, кто сейчас охотился в небе, мне хотелось меньше всего, ведь если выбирать из двух зол, то Вахтерон – объективно меньшее. Огромная тень скользила по земле, тень темнее сгустившихся багровых сумерек, и Вахтерон едва слышно шепнул мне на ухо, склонив к нему маску:

– Иди за мной.

Он скользнул вбок, глубже в тени, и потянул меня следом, неотрывно глядя на нечто, что скользило в небе над городом. Тогда я поняла: вот он, мой шанс сбежать! Я выжидала. Выжидал и он. Едва тень, скользящая в пелене тумана, исчезла, я попробовала сбежать, но как бы не так. Вахтерон крепко стиснул мое запястье.

– Мы ведь пожали руки!

– И ты думал, это что-то значит?! – Я огрызнулась. – Да ты такой же кровожадный беспринципный ублюдок, как все остальные, и считаешь, я не воспользуюсь моментом, чтобы спастись?! По непонятной мне причине вы убиваете нас, хотя могли бы помочь.

– Помочь?! – улыбнулся он.

– Да, помочь! В конце концов, все мы в этом чертовом мире пленники, притом – в одинаково паршивых условиях, только вы вооружены, вы быстрее и сильнее нас – так уж здесь это устроили, и если бы я была на твоём месте, то...

– Но ты не на моем, – зловеще напомнил Вахтерон, и я смолкла. – Еще одна попытка от меня улизнуть, и я подрежу тебе связки на ногах, так, что ни шагу не сделаешь весь остаток Жатвы, и оставлю лесным убийцам на поживу. Тебя найдут и будут мучить, пока не начнешь умолять их о смерти. Это я веду себя как джентльмен, а они не станут.

Так легко, как если бы я ничего не весила, он притянул меня ближе, и я ощутила жар, исходящий от его тела:

– Только попробуй выкинуть еще какой-нибудь финт. Если потребуется, исполню обещанное и на руках тебя понесу: сил-то мне хватит. Хотя и не хочу...

Он поджал губы, смолк, и я непонимающе сузила глаза. Я смотрела в его маску, как если бы это было настоящее лицо. Схватив губами воздуха, не нашлась что ответить. Не хочет чего именно? Ранить меня? Сердце стучало как бешеное, кровь пульсировала в висках. Еще немного – и я просто разорвалась бы от всепоглощающего страха пополам с чем-то другим, чем-то для меня новым, чего я еще не испытывала в этом мире. Если ему меня жаль, может, стоит надавить и воззвать к этому чувству?

– Ты должен меня понять... – тихо взмолилась я, но какие эмоции ожидала увидеть на маске?

Ни единой больше, кроме безразличия. Нет, он все же сущий дьявол. На его белом подобии лица, раскрашенного кровью, не было ничего, кроме зияющих пустот глазниц и плотно сомкнутых черных губ, а еще – кровавых слез, и я знала, что кровь эта принадлежала таким же несчастным жертвам. И, полная гнева, тогда шепнула:

– Хорошо, хорошо... ладно. Будь по-твоему.

Он расправил плечи и свысока взглянул на меня. На фоне хмурого неба и слабого света от тусклых гирлянд, оплетших ветви корявого черного тополя с опавшими листьями, он показался мне призраком этих мест, грозным и зловещим, неизвестно отчего избравшим меня своей временной спутницей.

– Разумно. Что ж. Тогда пойдем.

Обождая еще немного, вместе мы скрылись в зарослях дикого шиповника, примкнувшего к обрушенной старой изгороди, и все кругом снова поглотил туман.

Я старалась поспеть за Вакхтероном, потихоньку выравнивая дыхание и пытаюсь понять, во что ввязалась; пульсирующий ужас медленно отступал, и на место ему пришла мысль: неужели я все же поддаюсь этому душегубу?! Однако мне почудилось, что мы бежали – теперь уже вдвоем – от кого-то. Но от кого, если та страшная небесная тень осталась далеко позади? Вакхтерон не сбавлял шага. Более того, поняв, что его жертва способна шевелиться быстрее, он перешел с широкого шага, за которым я едва поспевала, на рысь. Я знала, что охотники были быстрее и выносливее нас, и это казалось страшно несправедливым. Этому здоровяку, как он, ничего не стоит промчаться через половину леса или равнины и даже не запыхаться, но у меня-то силы ограничены человеческими возможностями!

Наконец, когда ноги уже ломило от усталости, он остановился возле двухэтажного дома, выстроенного в колониальном американском стиле. Высокая башенка выступала флигелем, вход и терраса были украшены ловцами снов. Подъездные дорожки – заставлены фонарями-тыквами: их пряный сладковатый аромат, смешавшись с тяжелым могильным запахом земли и гниения, повис в холодном воздухе. Сырость взрезала легкие, уставшие от быстрого бега, не хуже ножа. Я внимательно смотрела на переливающиеся огоньки фонариков в деревьях и кустарниках: в окнах горело несколько свечей.

Вакхтерон подметил:

– Скоро город должен где-нибудь кончиться, ведь все это – чья-то иллюзия и воспоминание, так что мы выйдем в прерии, как я и обещал.

Кивнув, я послушно побрела, стараясь подстроиться под его широкий шаг, и спросила:

– Почему сейчас тень нас не преследует?

– А с чего ты решила, что она тобой вообще интересуется?– задал он вопрос вместо того, чтобы ответить на мой, и хмыкнул под маской.– Поторопись, нам желательно не мозолить кое-кому глаза.

– Да?– Я заозиралась, но двор был пуст. Только густой седой туман стелился за оградой, смыкаясь вокруг нас кольцом.– И кому же?

– Им,– сказал Крик, остановившись, и указал на двух черных гладкоперых воронов.

Они сомкнули бритвенной остроты когти на провисших электрических проводах и смотрели на нас агатовыми бусинками множества умных алых глаз, рассыпавшихся по головам и телам, но даже не думали покидать своих мест. Гладкие крепкие клювы их были плотно сомкнуты, крылья прижаты к бокам. Птицы казались почти неживыми: настолько были неподвижны. Отчего же тогда они внушали мне такой странный, иррациональный страх?

Я подошла ближе к Вакхтерону, сжав плечи, и вдруг ощутила себя куда увереннее рядом с ним. Нахмурившись и не отрывая глаз от воронов, почувствовала пробежавший по спине холодок, когда они как по команде повернули ко мне маленькие черные головы.

Они за нами следили.

– Что они могут нам сделать?– едва слышно спросила я севшим голосом.

– Лучше не проверять этого на себе,– сказал Вахтерон и потрепал меня по плечу.– Да что ты, не бойся. Я тебя в обиду не дам.

– Ага, конечно.

– Лучше обиду сам,– пошутил он, и я хмыкнула.– Ты готова к самому незабываемому свиданию в твоей жизни?

– Очень иронично, если учесть, что предыдущие не помню,– усмехнулась я.

Вахтерон хохотнул и покачал головой. Он повел меня по каменным плитам, поросшим травой, к террасе, нырнул под сень дубов и увлек вверх по скрипящим старым ступеням.

Фонари, слабо рассеивавшие туман и сырые сумерки, словно живые, качнули тенями, когда мы поднялись под крышу террасы и замерли близ опорных деревянных столбов. Осенний город, засыпанный листвой, с низким, словно пульсирующим багровым небом, нависшим темным закатом над крышами типичных американских домов, казался хитроумной ловушкой – или декорациями к чьей-то жуткой постановке. Отсюда все показалось мне таким настоящим и знакомым... и в то же время подсознание отчаянно шептало, что каждая деталь соткана из тумана согласно воле и желанию Иктоми и все вокруг было обманом. Точно она воспроизвела город по чужим воспоминаниям, сняв общий слепок с его профиля и забыв о том, что он обладает душой, и кроме жути, даже самый страшный внешне, может навевать и другие чувства.

– Знаешь, сдается, я помню это место,– небрежно сказал Вахтерон, и в его голосе мне почудилась улыбка.

Он подошел ко мне ближе: огромный и жаждущий крови, никем не прирученный зверь. Я подняла глаза, глядя в его маску и пытаюсь прочесть, чего он хочет, о чем думает.

– Ты так озираешься, словно тоже помнишь,– продолжил он.

– Немного,– призналась я.– Но прежде мне не доводилось здесь бывать, ни в одной из Жатв. Я никогда еще не заходила так далеко.

– Никогда, говоришь?

Я покачала головой. Вахтерон задумчиво обошел меня кругом, и круг этот он быстро сузил, встав за моей спиной так близко, что я слышала его дыхание. Он отвел волосы с моего плеча, склонился ниже, и я ощутила прикосновение холодных губ его маски к коже. Боже, он безумен! Лишь слегка отодвинувшись от него, я поняла, что совершила ошибку. Он с мягкой, но ощутимой силой завел мою руку за спину и притянул к себе, а другую ладонь, в перчатке, положил мне на горло, но не сжал пальцы. Он слышал мой пульс под рукой, а я слышала его дыхание.

– И я никогда до сегодняшнего дня не чувствовал себя таким живым, как сейчас...– медленно сказал он.– Я будто спал и все ощущал вполсилы. Теперь же...

Пальцы, до того ласкавшие шею, вдруг стиснули ее, но больно не было – и страха не было тоже. Почему?

– ...теперь – почти очнулся. Разве это возможно? Когда одно твое присутствие пробуждает так много новых чувств и подсказывает, кем я был... и кем мог бы быть?

Мое сердце как загнанное билось в груди, и я знала, он чувствовал это всем своим телом, которым вжался в мое.

– А теперь вот он, мой вопрос. Лесли, скажи: помнишь ли ты меня?

– Да забудешь тебя, как же,– пробормотала я с содроганием.– Даже при всем моем огромном желании.

– Нет-нет-нет. Я говорю о том, помнишь ли ты меня... до того, как мы оказались здесь?

В том, в другом, настоящем мире? Я сузила глаза, скользя взглядом в пустоте и пытаюсь действительно вспомнить его, и не разум, но нечто более глубокое откликлось во мне. Я словно знала его прежде на уровне чувственных ощущений. Он задумчиво погладил мою шею, и я ощутила, как по телу его пробежала дрожь.

– Я не могу понять...

– Но я, кажется, кое-что могу. Ведь должна же ты помнить свою фамилию,– настаивал он.– Быть может, имена кого-то из твоей семьи. Если у тебя, конечно, есть семья.

– Нет, ничего, сплошная пустота, разве что...– что-то свербело на подкорке мозга, мучило, терзало меня.– Лесли... Лесли...– пробормотала я, но вспомнить не смогла и взмолилась: – Пожалуйста, отпусти! Мне больно.

– Лесли... да... но дальше?– шепнул он мне на ухо, прижавшись щекой к изгибу моей шеи, но я не смогла ответить на этот вопрос до тех пор, пока он не произнес следующее слово.– Крейн?

Крейн.

Лесли Крейн.

Я вспомнила серые глаза, каштановые волосы, смуглые руки, но облик оставался неясным, он рассыпался в ничто, стоило мне сосредоточиться на нем. Улыбка – узкая, как стилет. Свои пальцы: я погрузила их в волосы. В его волосы. Тяжесть его головы на моих коленях. Кто это был, там, в мимолетном воспоминании?

Фамилия Крейн мне знакома настолько, словно я не раз произносила ее. Лесли Крейн... Неприятна ли она? Скорее нет – даже дорога, а почему? Потому что так меня и зовут?

Вакхтерон разжал руки и развернул лицом к себе, наблюдая за тем, как меняется выражение моего лица. Я прошептала, закрыв глаза, точно пробовала это имя на вкус снова и снова. Лесли Крейн. Звучит непривычно, но так, словно бы оно правда принадлежит мне.

– Возможно, и Крейн.– Пришлось осторожничать.

Но для чего ему это знать?

А точнее, почему это так важно для него? Вакхтерон хранил тишину: судя по всему, это он здесь задавал вопросы, моя же задача – отвечать на них, не зная, к чему это приведет.

– Знаешь, Лесли,– задумчиво обронил Вакхтерон.– А ведь у нас с тобой не так много времени вместе. Однако нужно еще столько всего узнать. Вопросов у меня стало теперь больше, чем ответов, как ни странно.

Он протянул руку и положил мне на затылок, пальцы его запутались в темной копне, убранный в рыхлую, растрепанную уже косу. Между нами повисло молчание, показавшееся невероятно долгим. Мы смотрели друг на друга: я – снизу вверх, понимая, что нахожусь в полной его власти. А он наблюдал за мной с изучающим интересом в пугающе светлых, точно неживых, серых глазах, которые я теперь яснее видела в прорези маски. Туман скользил между нами и вокруг нас, и вместе с ним скользило пространство, точно готовясь молниеносно исчезнуть, чтобы обернуться чем-то новым.

– Этот дом,– наконец спросил убийца и положил ладонь на деревянный столб.– Знаком тебе?

Я с сомнением взглянула Вакхтерону за спину и окинула взглядом террасу, и ловцы снов, и резную дверь из старого дуба.

– Думаю, да,– неуверенно произнесла я.– Но не могу вспомнить откуда. Или кто прежде в нем жил.

Вакхтерон долго и пристально смотрел на него, и что-то неизбежно горькое было в его голосе, когда он наконец сказал:

– Я могу. Мы.

Я непонимающе нахмурилась и поглядела сначала на него, затем – в темные окна.

– В нем жили мы,– повторил он.– Я узнал его только потому, что ты была рядом. С тобой бок о бок все так легко вспоминается. А теперь пойдем. Она не должна нас разыскать. Жатва близится к концу, и у нас осталось мало времени.

– Кто эта «она»?

Вакхтерон взял меня за руку и потянул за собой, бросив через плечо:

– Иктами, разумеется. И я не собираюсь попасться ей. Только не сейчас.

Он решительно прошел к двойной двери, и створы ее распахнулись в стороны, как по мановению руки, хотя мы их не трогали. Вакхтерон пробежал сквозь темный холл, в котором стояло множество странных фигур, похожих на человеческие статуи, накрытые белыми простынями. Дом встретил нас тишиной. Он был неподвижным, но опасным и, кажется, живым наблюдателем. Вакхтерон стремглав прошел сквозь анфиладу комнат, и мне показалось, пространство здесь было искажено, как и все в этом страшном городе. Наконец пол под ногами, покрытый деревянными досками, замело набежавшей палой листвой, а стены истаяли в воздухе, в переменчивом седом тумане. Он тек по полу, точно вода, и окутывал нас, меняя все вокруг.

– Где мы теперь?– испуганно спросила я.

Вакхтерон ничего не ответил. Он торопился так, словно спешил сбежать из этого опасного мира. Но возможно ли бегство, когда вся Овхара – смертельная ловушка?

– Куда мы так мчимся?! Ответь хотя бы на один мой вопрос!

– Подальше отсюда,– бросил он.

Мы спустились по ступеням на асфальт и снова очутились на улице жилого квартала. По обе стороны дороги, окруженной тополями, каштанами и кленами, выросли одинаковые дома. В одном из них, вдали, на втором этаже горел свет, и в нем виднелась чья-то тень. Вакхтерон поспешил к нему, как зачарованный глядя прямо на это окно, и остановился напротив, сжав мою руку в своей.

– А этот дом ты узнаешь?– обронил он.

Один лишь взгляд, и меня пронзила дрожь.

– Да,– прошептала я, испуганно прижавшись к его плечу своим.

Потому что это был мой дом, и я его вспомнила. В нем я жила до того, как оказалась здесь, в этом страшном мире смертей и туманов. Вакхтерон, не в силах отвести глаз от дрожащего за стеклом света, шепнул в ответ:

– Теперь я помню вечер, когда впервые встретил тебя. Ты была там, в своей комнате. Только что переехала в этот город. Я носил вам коробки из грузовой машины в дом... зачем-то. Мы еще не знали друг друга. Тогда впервые я увидел тебя вблизи, но ты меня даже не заметила. Или не хотела замечать.

Почему-то в голосе его появились злость и боль, все сразу, и он сердито продолжил:

– Ты и не заметила бы до тех пор, пока я не надел маску. И пока не сделал то, что должен был.

Я не могла вспомнить, но он вспоминал – пусть обрывками, однако что-то явно важное.

– Что именно ты сделал?

Мы стояли на месте, но дорога под нами теперь гладко скользила навстречу дому, который некогда был моим. Поднялся ветер, тронул кроны кленов, и в воздухе запахло осенним холодом. С гулким звоном, похожим на колокольный, дом словно осветился со всех сторон непонятным сиянием, будто искусно созданный игрушечный макет, подсвеченный огромными незримыми лампами, и я увидела очень ясно там, в окне второго этажа... саму себя. Я-в-том-доме спокойно читала у окна, держа у груди еще несколько книг. Сбоку стояли друг на друге большие картонные коробки.

Множество голосов, звучавших как мой, издевательски подхватили, и по улице пронеслось веселое злое эхо:

– Что именно ты сделал? Что именно ты сделал? Что именно ты сделал?

– Что это за чертовщина?!

Я-другая расставляла книги в шкафу, полностью увлеченная своим занятием. Вакхтерон, поглощенный этим зрелищем, подался вперед, и я почувствовала, что его рука выскользывает из моей.

Он мне не ответил, и тогда я поняла, что он начал вспоминать.

– Лесли,– сказал он, и голос его дрогнул.– Там моя Лесли.

То, как он произнес мое имя, отчего-то было сродни удару ножом в сердце. Не знаю, почему мне стало так больно. Он говорил не обо мне, а той, кто была в том доме, залитом светом. В уголках глаз вскипели слезы. Я видела, как жаждал Вакхтерон быть там, быть с ней, и буквально кожей ощутила его странную, сильную, неутолимую потребность. Он оставил меня позади и подошел на шаг ближе к окну. Свет падал на асфальт золотым прямоугольником, и Вакхтерон стоял в тени, на самой его границе, не смея показаться в нем. Он глухо пробормотал:

– Я думал о том доме столько лет. Он стоял на одной из улиц, одинокий и пустой,– и я был пустым и одиноким тоже. Полгода назад я вернулся из госпиталя. Будущего не было, все кануло во тьму. Все казалось зыбким и потерянным. Я только перестал ходить с тростью и почти избавился от хромоты, но сил выживать дальше не осталось. Но иногда после работы я любил прибираться там; подстригать кусты, ухаживать за газоном и садом, ну так, потихоньку, чтобы со стороны это не было слишком заметно... И порой забирался туда, на крышу, и долго думал о своем: о том, что однажды все переменится, так или иначе, и мне улыбнется удача, потому что даже тем, кто очень старается, она нужна. И она не может обойти меня стороной, ведь должно же мне хоть когда-нибудь повезти. Я думал, что семья, которой этот дом принадлежал когда-то, давно покинула его и теперь живет, возможно, более счастливо, чем я. Я видел в тех комнатах, на оставленных вдоль стен снимках, улыбочивые лица счастливых родителей. С моими судьба разлучила меня. Отца я не знал. Мать от меня отказалась. Я видел детей, двух девочек, старшую и младшую сестер, в объятиях мамы и папы. Я знал, эти дети уже выросли, и надеялся, что жизнь их отличается от того, что терпел я, когда был маленьким. И надеялся, что однажды в таком же доме – или похожем на этот – меня встретит его хозяйка. Знаешь, как в старой сказке, когда прекрасная, счастливая и благородная девушка выросла и вернулась туда, откуда она родом, и одно это появление, словно луч света сквозь море тьмы, спасло кого-то вроде меня. И это случилось. Утром в день переезда я таскал вам коробки, но тогда ты меня не заметила – помню, как скользила взглядом по комнатам, искала, куда и что приткнуть. Ты была тогда такая суетливая, быстрая, заботливая. Но тот вечер, когда я шел с поздней смены и не смог уйти, не посмотрев на тебя, и тот дом...

Он замолчал, и что-то заворчалось у меня в животе. Я оцепенела, слушая, как он тяжело роняет слова, не отводя глаз от девушки в окне:

– Но был и другой вечер, когда мое сердце заволкло мраком. Я ненавидел всех, кто превратил мою жизнь и жизнь тех, кто мне дорог, в ад. Я ждал, я долго ждал, но никому не воздавалось по заслугам. Тогда я понял, что воздаяние – в моих руках, и я должен поступить по закону совести. Год я готовился к этому. Год я варился в боли и ярости. Я засыпал и просыпался с мыслью о мести, и за пределами ее не было больше ничего. Я готов был даже к смерти, потому что так жить, как мы жили, невыносимо, и у каждого человека наступает однажды свой предел. Но когда я остановился на другой стороне улицы, под старым вязом, то глядел и не мог наглядеться. Ты листала какую-то книгу, задумчивая и тихая. Волосы у тебя были забраны наверх. Ты выглядела как покой. Как любовь. Как дом. Какой же светлой ты была. Как же мне не доставало этого света. Ты мне понравилась.

Он смолк, и повисла тишина. Клочок нашего с охотником мира заключался в доме с горящими окнами посреди мрака и тумана, и с каждым мгновением то тепло, которым окутал свои слова Вакхтерон, рассеивалось, и странный пронизывающий свет, озарявший все вокруг, медленно померк.

Вдруг я-другая резко повернула голову и взглянула на нас в окно. В то же мгновение меня обуял ужас такой сильный, что я буквально вросла в землю, не в силах пошевелиться: на меня смотрела моя точная копия, только злая, холодная, жестокая. Вакхтерон был быстрым. Он бросился к соседнему дому, потянув меня за собой.

Высокое крыльцо было неплохим укрытием. С навеса падала густая тень, и мы утопали в небольшой нише, вжимаясь в стену дома спинами. Под самым крыльцом было мерзко: там жили пауки, обосновавшие свою маленькую охотничью колонию. Серебрилась по углам их паутина, а в листьях под ботинком у себя я увидела выбежавшую коричневую лакированную двухвостку.

– Ч-черт!– Я подскочила: уж очень не любила этих гадких тварей, но Вакхтерон обнял меня рукой за талию и прижал к себе, больно надавив локтем на грудь. Впрочем, он тут же подвинул локоть, чтобы мне было удобнее, и это изумило меня.

Ладонь его крепко сжала мой рот, так что я могла только возмущенно сопеть, раздувая ноздри. Вакхтерон неотрывно глядел куда-то наверх, в туман, застилавший небо, однако я не видела того, что видел он.

А затем между туч послышался странный звук: будто огромное, туго натянутое полотно пролетело над землей, распластавшись крыльями. Краем глаза я углядела на земле, укрытой ковром багряных и золотых листьев, густую черную тень – и в животе заворочался животный ужас.

Отброшенная тень приняла форму гигантской длиннопалой руки.

Она вела по земле, точно в поисках кого-то – уж не нас ли? Верно, это ее я приняла прежде за тень огромной птицы. Вакхтерон лишь затолкал меня дальше под крыльцо, накрыв собой от этой страшной тени. Она как живая ползла по земле, рыская в поисках нас, и скользила по городу, затмевая собой все вокруг, поглощая дом за домом, один фут земли за другим.

Я притаилась за плечом охотника в нелепой надежде, что зло не заметит меня, если я не буду смотреть на него.

В этом и была разница между мной и им. Я чувствовала, что он боится не меньше моего, но снова возник главный вопрос – он боится этого чудовищного нечто... или боится за себя? А может, за меня?

Ковер из листьев с шелестом разлетался в стороны перед тенью уже совсем близко, и я затаила дыхание, думая, что будет, когда нас найдут. Однако спустя пару мгновений тень страшной ладони в мимолетном птичьем движении поднялась на огромную высоту и исчезла в тумане, которым заволокло и мой дом.

Некоторое время мы по-прежнему молчали. Наконец я робко коснулась груди Вакхтерона.

– Что это было?– шепнула я и добавила: – Оно уже ушло?

– Да. И нам здесь задерживаться тоже больше нельзя, иначе это плохо кончится.

Он молча и тихо встал. Затем осмотрелся и обошел то место, где исчезла тень, стороной, а после подал мне руку.

– Быстрее за мной,– сказал он, торопясь.– Надо почаще менять места, чтобы нас не поймали.

– Но зачем мы ей?– нахмурилась я, сбиваясь с шага: Вакхтерон почти бежал.– Хорошо, я к этому привычна, во время Жатвы меня ловят все. Но ты-то кому нужен?!

Он резко остановился, из-за плеча взглянул на меня. В его глазах промелькнуло странное выражение.

– Ей не нравится, когда я что-то вспоминаю, и сейчас я вспомнил достаточно, чтобы...– Он запнулся, сощурился и потянул меня за собой.– Ладно. Теперь пошли.

Так мы добрались до старого озера, окруженного ивами. Утопая в тумане, оно виднелось неподалеку. Вокруг нас в воздухе кружились дубовые и кленовые листья. Мы шли по дорожке, окруженной этими деревьями, и были все ближе и ближе к берегу. Заморосило. Растерявшись, я чувствовала нутром приближение конца этой непривычной Жатвы – но задумалась, действительно ли хочу, чтобы он наступал.

Тропа вела нас все дальше, и чем дальше мы шли, тем сильнее сгушался мрак по обе стороны. Мне было не по себе, и я теснее жалась к Вакхтерону, поймав себя на мысли, что он сможет меня защитить – и я нуждаюсь в этой защите.

Как давно я не чувствовала себя в безопасности? Была ли я в безопасности с ним?

Под нашими ногами вдруг что-то скрипнуло. Мы опустили глаза и увидели широкие половицы. Не обмолвившись ни словом, мы с Вакхтеронем понимающе переглянулись. Это место становилось тем, чем хотело, чтобы влиять на нас. Туман стлался там, внизу, а тьма обступала, но, когда она раздвинулась, а мы выступили из нее, я увидела комнату – удивительно огромную в той точке, где мы стояли, и сужающуюся до размеров обычной там, где мертвая луна пристально смотрела в окно, серебра сквозь него пол.

– Я был здесь,– вдруг простонал Вакхтерон и прижал ладонь к груди.– Я здесь бывал раньше.

Ноги его подкосились, и он упал передо мной на колени, сторбившись и опустив голову, точно чья-то незримая рука с неодолимой силой давила ему на спину, заставив поклониться. Прерывистое дыхание вздымало его широкую грудь. И я смолкла, поняв, что мы оказались здесь не случайно.

Но зачем?

Под глазом мертвой гниющей луны, молчаливой свидетельницы, мы проживали снова то, что прожили уже когда-то. По моим плечам пробежал холод. Губы странно закололо. Точно в беспамятстве, со стоном Вакхтерон, явно сопротивляясь, напрягая мышцы и не желая подчиняться неумолимой воле того, что заставляло его вспоминать и повторять прожитое, медленно поднял руку и коснулся подола моего грязного рваного платья. А другой рукой он достал нож.

Меня как жаром прострелило, и я вздрогнула, потому что где-то в настоящем нашем мире осталась настоящая наша ночь, когда он сделал то же самое. И отчего-то страха во мне больше не было.

Однако появилось имя: Крик.

И второе: Крейн.

– У меня странное чувство, что все это уже с нами случилось,– медленно сказала я.– Где-то там, у настоящих Вакхтерона и Лесли, для которых мы – лишь безмолвные тени.

– А может, они – тени нас?– мучительно выдавил он, все еще пытаюсь взять свое тело под контроль, но был не в силах сделать это.

Боясь и желая коснуться его темных волос, я глубоко вздохнула.

Мне не хватило воздуха в груди то ли от страха, то ли от волнения. Кажется, я знала это ощущение – когда мой мужчина стоял на коленях, медленно скользя ладонями по моим бедрам, затканым шелком, и крепко сжимал в перчатке нож, вытянутый из ножен.

Лезвие тускло блестело в седых клубах тумана. В Овхаре на нем не было крови, сколько бы оно ни убивало. Я замерла. Все кругом казалось тихим, застывшим. Неживым. И тревога сжала мое сердце.

Вот так, не удержавшись, в странном порыве, будто моим телом управляли незримые силы, я опустила руку поверх головы Вакхтерона, запустив пальцы в тяжелые, забранные в косу, гладкие пряди.

Короткий вздох сорвался с его губ. Он медленно прижался лицом к моим бедрам, зарываясь в грязную ткань. Так доверчиво. Так нежно. Рукой он обхватил мои ноги в кольцо, другую – что сжимала нож – положил под колено, и лезвие едва коснулось кожи.

Каждую секунду я ждала, что он провернет в руке нож и ударит меня им. Я ждала, когда он вопьется острым жалом в мою плоть, подсечет мне ногу, раскроит тело, причинит боль, пустит кровь, как сделал бы это любой охотник во время Жатвы. Я могла представить, что будет дальше.

Он повалит меня наземь. Набросится сверху, и его рука сомкнется у меня на горле, но прежде, чем сломать мне шею, он заведет лезвие прямо под подбородок, так, что оно пробьет мне челюстную кость и пронзит язык. И тогда, возможно, он и подарит мне то, чего я так жду...

Жду прямо сейчас, но не так, как шепчет мне страх. Мягче. Добрее. Нежнее.

Нож заскользил черной рукоятью по коже все выше, а лезвие у него было таким острым, что кружевная ткань легко расплзлась под этим шелковым гладким движением. От острия над коленом и по бедру протянулся едва уловимый белесый след. Надави Вакхтерон сильнее, была бы рана, но он не стал... Вдруг он коснулся губами моего живота, прямо поверх платья. Я гулко сглотнула и попробовала дотронуться до его маски и поднять, забыв, что она вросла в него, стала вторым лицом – и снять ее я не могла.

– Лесли, я не могу... – прошептал он и согнулся, будто его пронзила боль.

Я вздрогнула, силясь склониться, но тело не повиновалось мне. Я пыталась сопротивляться: это было сложно, почти невыносимо.

Туман просачивался между нами, как низкое облако. Как дымный морок. Нам обоим здесь было душно. Мы оба это знали. Ни ветра, ни вдоха – ничего здесь не было, ничто не колебало застоявшийся воздух этого странного места. Сам страшный мир замер, как в картине, а мы просто вторглись в нее и стали частью холста.

Его пятерня легла на мою ногу прямо над царапиной, и он хрипло шепнул:

– Ты можешь убежать...

Нет, нет, я знаю, что он скажет. Я точно знаю, что именно! Воспоминания вспышками пронзали меня одно за другим, они проходили сквозь меня как призрачное эхо, и я, расширив глаза, смотрела на Вакхтерона сверху вниз.

Хищник, припавший к моим ногам. Мужчина, которого я боялась и желала, потому что в нем было много света и еще больше – тьмы. Человек, забравший мое сердце. Для этого ему не нужен был нож; он вынул его из груди, потому что я отдала его добровольно.

Я помнила. Я жаждала и боялась помнить...

По спине моей пробежала дрожь, по виску скатилась капелька пота. Я сглотнула, потому что знала: если услышу эти слова, произойдет непоправимое.

– ...можешь прятаться, ненавидеть меня...

– Молчи! Умоляю! – немеющими губами выкрикнула я.

Меня охватил страх. Если он договорит, случится что-то очень плохое: это обещание стлыло в воздухе, оно давило мне на плечи, и мы оба знали, что он пострадает, когда договорит.

Я не хотела, чтобы он страдал.

Я мотнула головой, не желая этого слышать. Огромным усилием воли я сделала шаг назад и вздрогнула, вжавшись спиной в стену.

– Но...

– Прошу! Хватит!

– ...однажды отсюда...

– ПРЕКРАТИ! – выкрикнула я.

– ...именно моя рука...

– Ты сделаешь себе хуже! Не вспоминай!

Мой голос зазвенел, дрогнул, в нем были слезы.

Нет, никогда, ни за что! Молчи. Остановись, иначе оно найдет тебя, оно поймет, как и я, что между нами есть какая-то...

Красная лента. Красная лента. Красная лента.

...странная связь, и она так сильна, что сердце в моей груди сейчас лопнет, потому что то, что пожирает нас из цикла в цикл, не хочет, чтобы мы знали!

– ...снимет повязку.

Застыла тишина такая, что ее было впору резать на куски. В тот миг я ощутила его руки под платьем, и когда он встал во весь рост, когда поднял меня под ягодицы, когда усадил себе на бедра, прижав спиной к стене, и припал губами маски к моей шее, я прошептала то, что прострелило мое сознание. Единственное слово.

Как я могла его забыть? Оно осталось на кончике языка чужим дыханием.

– Вик.

Вакхтерон поднял голову. Взгляд его был страшен и холоден, и я сжалась в объятиях.

– Лесли Крейн!– грозно сказал он, и голос его множился гулким эхом, отлетая от стен, точно усиленный в десятки раз.– Я помню тебя!

Я могла разобрать теперь эти глаза. Я твердо помнила их цвет: они были темно-серыми. И я, кажется, знала, каким было его лицо под маской. Дрожа, я положила ладонь ему на кадык, мягко погладила шею по всей длине и ощутила, как он тверд подо мной.

– Ты мне принадлежишь. Ты моя. Ты обещала, что будешь моей всегда, ты принесла клятвы. Ты помнишь это?

– Да.

Я не знала отныне, отчего стало вязко дышать, будто воздух в легких сгустился – и теперь задыхалась.

Чего я ждала, его прикосновения?

Когда я сказала свое «да», он впился губами своей маски в мои, смял их, подчинил меня себе, и внезапно маска его обратилась в лицо, покрытое тем же страшным раскрасом, только теперь – смуглое, теплое, живое, такое знакомое. Он дернул меня за волосы, заставляя изогнуться так, как ему было удобно целовать. Спрятал под собой, словно обнял незримыми крыльями. Я коротко сжала пальцы на его груди, сгребая в кулак безрукавку, и второй ладонью лишь прижалась к точеному бронзовому лицу. Вакхтерон низко, тихо простонал в мой рот. Я потянулась к ремню на его бедрах. Звякнула пряжка. В моей ладони стало горячо и твердо, и я хотела направить Вакхтерона в себя, чтобы никогда больше не быть одинокой и чтобы не был одиноким он. Пустота во мне, не заполненная никем, вдруг стала перелитой через край, и я всхлипнула, когда он помедлил, прежде чем войти. Он вжался в мои бедра своими, и я крепче стиснула его талию, сомкнув на ней лодыжки, а шею сжав в объятиях. Он мягко потерся о меня членом, и я вспомнила, как когда-то давно он уже был во мне.

Да, когда-то давно мы знали друг друга, когда-то давно – я уже не помню, сколько циклов назад и в какой из жизней – я уже целовала его так и принимала его, становилась с ним одним целым. Если закрыть глаза, вспоминается легче...

Я скользнула рукой ниже по смуглой шее и сжала ее. Он позволил это сделать и не оттолкнул, напротив – язык глубже проник в меня, танцуя по моему и заставляя желать большего. Или, по крайней мере, не останавливаться.

Наше время подходило к концу.

Тогда он вошел, и я выдохнула ему в губы имя, которое любила больше собственного. Стремясь стать единым, неделимым целым, он толкнулся глубже и замер, ощущая, как я сжимаю его в себе. Я знала, чего он желал, потому что хотела того же прямо сейчас. Я перебирала это имя на языке, как четки, пока по нему плясал чужой язык, и огибала кончиком белые острые клыки, слегка выдающиеся из ровного зубного ряда. Под моими сомкнутыми веками скользили и вспыхивали наши общие, одни на двоих, воспоминания, и погружаясь в них глубже, как в темные глубины озера Мусхед, близ которого жил мой Виктор Крейн, я вспоминала и себя тоже. А потом открыла глаза. Под веками Вакхтерона мелькали яркие вспышки серебряного света, озарявшие смуглое лицо.

Я поцеловала его в шею. Он лег щекой мне на висок, коротко простонал – и благодаря тому голосу я вспомнила, каким мягким и беззащитным он порой мог становиться, особенно в моих руках. Я качнула бедрами навстречу, и он дрогнул и отвердел внутри еще сильнее. Он

задевал во мне нечто большее, чем плоть, перевитую нервными узлами, по которой прокатывался своей плотью; то было сплетение душ, и пальцы, которыми он мял и гладил мое тело, будто вплавились в него, стали частью меня – как я стала частью его. Желаящее, соединившееся, слитое в едином порыве тоски друг по другу двухголовое чудовище, я и он, дрожало. И он, и я задыхались перед тем, как все прекратилось бы.

Вдруг Вакхтерон резче лег на меня грудью, будто оступись. Коротко клокотнув горлом, он отстранился, сжав руки у меня на бедрах. Теперь на нем снова появилась маска.

Он выскользнул из меня, отпустил и упал на колени. За его спиной клубился туман.

– Вик!

Я присела рядом на корточки, взяв его за плечи, и с ужасом поняла, что он обмяк и повалился вперед. Оседая в моих руках, он успел выдавить прежде, чем я заметила это: тонкую паучью лапу за его спиной, уходящую в бездонную глубину тьмы, которой стала комната, дом, город – все вокруг. Земля почернела вокруг нас, границы спальни стерлись под ногами. Тихо прижавшись к Вакхтерону, я шепнула:

– Что это? Почему все меняется?

Мир дрожал, дрожали и границы стен, и потолок, и окно, и луна за ним.

– Потому что я знаю... – глухо сказал Вакхтерон и полез рукой в карман. Вынул он ее оттуда, уже сжимая в кулаке алую ленту. – Я наконец знаю...

С потрепанными краями, но еще яркую. Длинной в локоть. Сделанную из хорошего, крепкого шелка – такую же, как моя.

Он тихо дрогнул, согнувшись от боли. Я опустила глаза и расширила их в ужасе, поняв, что грудь его пронзает огромный черный коготь.

– О боже...

Очень медленно коготь потянул Вакхтерона прочь от меня, в черную бездну, разверзшуюся за его спиной. Воздух теперь разил сыростью и мертвечиной. Дом задрожал, стены и крыша с громким стоном разошлись – и там, в огромной брешке между ними, на фоне сумерек я увидела ее.

Огромную, жуткую Паучиху. Она смотрела на меня в ответ, и в ее глазах, блестящих в лунном свете, точно черные жемчужины, я увидела усмешку.

Вакхтерон нашел в себе силы поднять на меня взгляд. Руки его я не отпускала, как бы нас ни пытались разлучить. Теперь мне казалось: когда это случится, произойдет нечто страшное.

– Боже, Лесли, – шепнул он.

Крыша надо мной дрогнула, и второй паучий коготь медленно спустился в разверстную щель мне за спину. Он ожидал меня – свою жертву, и Вакхтерон с усилием поднялся с колена на ноги, наколотый на паучью лапу, как бабочка на иглу. У него был только один выход, чтобы я возродилась, и я знала, что он этого не хотел. Умиравший и потерянный, он, покачиваясь, подошел ко мне.

– Уже слишком поздно, – сказал он. – Наше время кончилось. Она здесь. И она голодна.

Я знала, что последует за этим, и протянула к нему руки. Он обнял меня, дрожа всем телом; обнял крепко и сильно, а затем грудь пронзило болью, и я сдержала крик, уткнувшись в еще теплую мужскую шею. Вакхтерон упал на колени вместе со мной. Он вынул нож из моей раны и придержал меня за талию, наблюдая за тем, как свет жизни гаснет в моих глазах. Он не мог противиться Иктами, потому что был охотником, а я – его жертвой. И только что нам об этом напомнили.

Кровь из моей раны капала на землю, расплываясь алыми соцветиями. Умирая, я неотрывно наблюдала за Вакхтероном.

Нас с ним разлучили уже дважды, и первый наш раз я почти что вспомнила. Тогда-то она и растащила нас в разные стороны. Меня – наверх, в полосу тумана, в забытье, а его – во тьму.

Нам напоминали, что мы с ним – люди совершенно разного порядка, и в цикле порядок этот был нерушим.

* * *

Он пробудился среди тумана, и когда открыл глаза, тело его, точно роса, покрывали бисеринки крови.

Даже не спрашивая, он мог бы понять, чьей была та кровь, и от одной мысли ему становилось плохо.

– Ты наконец очнулся.

Женщина, стоявшая неподалеку от металлического стола, к которому он был прикован цепями, была ему незнакома – и в то же время он поразительно ясно знал, кто она. Ему не нужно было смотреть в ее лиловые глаза и не нужно было видеть ее красивое смуглое лицо, чтобы понять: перед ним – Иктоми.

– Иногда мне кажется, люди, даже такие умные, как ты, по сути своей, не понимают, что такое высшая цель, хотя всю жизнь свою стремятся достичь ее или хотя бы понять. Приблизиться к тому, что вы называете смыслом, ради которого существуете.

Сглотнув, Вакхтерон напряг руку, затем другую, но цепи держали его крепко, и он знал, что не мог вырваться, хотя пробовал. Пробовать всегда стоило.

– Вы ищете его, а смысл заключается лишь в том, чтобы просто жить. В самом процессе, – продолжила Иктоми. – Поскольку ничего иного извлечь из нее невозможно, а значением разные события наделяете вы сами. Ведь вы – созданные от скуки создания, чтобы онкве⁶, богам, населяющим небытие, не было в величии своем и незыблемом могуществе так... одиноко. А если вы созданы по подобию нашему, значит, сути вашей и цели нет вовсе, ведь нет цели и у существования таких как мы, ибо мы вечны и бесконечны. И в отличие от вас, глупыми вопросами не задаемся. Однако...

Она сделала к нему несколько шагов, и на стены упала огромная паучья тень. Вакхтерон, дрогнув, задергал цепи яростнее, силясь выбраться. Но тут же прекратил и замер, когда Иктоми, встав близ его стола, так похожего на стол для разделки трупов, нежно положила ладонь ему на живот.

– Однако, как и у вас, у нас есть нечто особенное. Наши желания и решения. Много лет назад я решила, что больше не хочу смотреть на гибель одного мира за другим, которые создания, подобные мне, так небрежно уничтожали. Со временем я прикипела к миру людей, не столько потому, что вы нравитесь мне.

Она напрягла пальцы, и острые ногти едва вошли под кожу Вакхтерону. Он сжал челюсти, не желая показывать собственной боли.

– Сколько потому, что я придумала для вас слишком много всего интересного. Мне нравится создавать, и то, что я создала в вашем мире, прекрасно. А прекрасное достойно того, чтобы существовать. Кто-то полагает, я лишь жалкий имитатор, отражатель существующего порядка вещей и их свойств, но это ерунда: все не так просто, и я предтеча многих вещей, которые вы знаете.

Ногти, острые и похожие скорее на лезвия, проникли глубже, и Вакхтерон коротко выдохнул. Иктоми улыбнулась. Улыбка ее была зубастой, на человеческую непохожей. Паучья тень ее, огромная и страшная, заскользила по стене.

– Великое добро невозможно без великой жертвы. Тебе ли не знать? Ты, человек, нашедший смыслом своей жизни мечь, разве ты не согласен со мной? Видимо, нет. Ведь все, что ты

⁶ Онкве – высшие люди, или боги, пришедшие с Земли на Небе. Их эмоции так сильны, а способности так велики, что они могут разрушать и создавать новые вселенные.

сделал сейчас,— отдалил на шаг спасение вашего мира, потому что решил вспомнить женщину, которую должен убить.

Вик выдохнул, зрачки его сузились, он прогнулся на столе от боли, когда Иктоми медленно погрузила пальцы в его плоть и начала ворошить ими внутренности. Пот покрыл его лицо и тело, проступив через поры, но он держался.

– Я не убью ее,— проронил он.

Она перебирала кишки, желудок, все в нем, точно четки, пристально наблюдая за тем, как он корчится, и он мучился от неизбежной боли, разрываемый ею на части. Все, чего он хотел,— забыться или умереть.

– Нет, убьешь,— мягко сказала Иктоми и сняла с него маску.

Натянув свои цепи, он рванулся к ней, оскалившись, и она погрузила пальцы еще глубже. Он ощутил вкус крови на своих зубах, а она двинулась выше, и плоть его осталась разъявленной и запахнутой, раскрытой от живота, там, где побывала ее рука. Она стремилась выше, касаясь пальцами ребер и легких, и двигалась туда, где надрывно стучало и билось оголенное человеческое сердце.

Распотрошенный, Вакхтерон лежал на столе, истекая собственной кровью, но не смел ни кричать, ни стонать, хотя безумие от ужасающей боли застилало ему разум.

– Ты забудешь ее снова, как забывал много раз подряд, потому что я того захотела,— медленно сказала она.— Ты думаешь, я мучаю тебя так впервые? Или полагаешь, мне нравится тратить на это время? Я терплю все это лишь потому, что у вас необычайно сильная связь, а сильная связь означает великую жертву. Великая жертва дает больше воуаш-акэ. Ты убьешь ее, и она умрет от твоей руки, снова и снова, даже если тебе придется каждый раз вспоминать ее и умирать здесь.

– Нет!— выкрикнул он.

– Хорошо же,— сузила глаза Иктоми.

Она потянула за ребра, и Вакхтерон захлебнулся собственным криком, агонизируя. Он слышал хруст и чувствовал, как все его тело обжигает огонь такой силы, какого он не испытывал никогда. Добравшись до сердца, прикрытого костяной броней, Иктоми сжала в кулаке сердце Вакхтерона, впившись в него ногтями и пронзив ими насквозь.

Кровь пошла горлом, он захлебнулся ею.

– Ты не вспомнишь ее. Ты не вспомнишь, потому что я так сказала. Потому что ничто не сильнее моего слова здесь, в Овхаре, и потому что ты мой слуга.

– Нет,— егохватило только на это слово, прежде чем она сжала сердце крепче.

Она видела его непримиримый, злой огонь в глазах, и, когда пульсация в ее кулаке прекратилась, склонилась над Вакхтероном, наложила маску и поцеловала черные губы его ложного лица. А затем, оставив тело там, где было, она вытерла руки о собственный костюм и отошла в сторону.

В тених ее уже ждали, за ней наблюдали, и тот, кто делал это, был гораздо смертоноснее всех охотников.

– Ты же видел, что происходит и как опасно, когда они вспоминают,— покачала она головой.

Нечеловек в человеческом облике, сама тьма, которая была плотной и плотской, и могучей, и переменчивой, как сумрак и тени, лишь кивнул. Глаза его светились двумя алыми точками в темноте. Он очень нравился Иктоми, потому что с большой охотой служил ей. У каждой тюрьмы есть свой запор и страж, и это был он.

– Если кто-то пройдет сквозь болота...— покачала она головой, но он перебил:

– Не пройдет.

Голос у него был низким и глубоким, будто колодезный зев. Иктами улыбнулась. По спине ее пробежали мурашки. Ей приятно было слушать его голос. Это напомнило ей то время, когда Хейока⁷ мог говорить и не был нем.

– Останавливать всех, кого бы то ни было, чтобы никто не вошел и никто не вышел, – моя работа, – сказал он. – Разве не так, богиня?

⁷ Хейока – у сиу-дакота божество гроз и грома, покровитель охоты, «священный шут», а также представитель служителей культа, хейоков. Бог кошмарных снов в авторской серии «Охотники и жертвы».

Глава первая

Столярная мастерская Вика Крейна

Скарборо встретил нас дождем, и мы въехали под покровы тяжелых, мрачных туч, нависших над городом. По сравнению с просторами тexasских прерий наши зеленые леса, напитанные густой изумрудной влагой, показались свободно дышащими легкими природы. Здесь и самой хотелось вдохнуть поглубже горьковатый запах дождя и озона, и я с удовольствием смотрела на капли, дробно отскакивающие от асфальта.

Вскоре наш пикап свернул с трассы на въезд в город, и мы с Виком, до того момента ехавшие в напряженном молчании, поглядели друг на друга и устало улыбнулись.

– Ты тоже скучала по нему?– спросил он и прищурился.

Я замешкалась, сразу поняв, что он имеет в виду город. Трудно сказать, считаю ли я Скарборо своим полноценным домом. Но какая-то часть души все же прикипела к этому маленькому городку со своими нравами и повадками. Пусть он мрачен и чудаковат, пусть на западе простиралась большая стройка, которая придавала ему неряшливую незавершенность...

Пусть из всех достопримечательностей тут и были разве что городская ратуша и большая католическая церковь, да еще местный краеведческий музей, пожалуй... но Скарборо тем не менее был по-своему очарователен.

Люди здесь странные, неприветливые, чужаков и тех, кто на местных не похож, не терпят, но впервые в жизни именно здесь у меня появились настоящие друзья. Никогда и ни с кем мне не было так хорошо болтать, веселиться и просто находиться рядом, как с Джонни и Дафной. Никогда прежде я не видела свою сестру такой спокойной и живой... по-настоящему живой, а не тенью матери, блуждающей в поисках тепла и ласки. И именно тут я узнала, что Хэлен, оказывается, совсем не из робкого десятка!

Здесь же я встретила с Аделаидой. Забыть ее невозможно: жаль, нам было дано слишком мало времени, чтобы узнать друг друга лучше. Своих родных бабушек я не знала так хорошо, как ее, и в глубине души понимала, что была привязана к ним не так сильно.

И, конечно, здесь я встретила Вика.

Я окинула его задумчивым взглядом. Вроде бы все тот же скромный и молчаливый мужчина, которого я впервые повстречала в самой ужасной ситуации из всех возможных: избитым и униженным в мужской школьной раздевалке, когда он не в силах был ответить своим обидчикам... но многое в нем неуловимо переменилось. Возможно, потому, что он наконец просто стал собой, настоящим?

Мы спокойно катили по пустой дороге. Город еще только просыпался: было воскресенье, на пустых улицах почти не было прохожих, а дождь так и вовсе не располагал к прогулке.

– Думаешь, твоя мать нормально отреагирует на нашу новость?– вдруг спросил Вик.

Теплые тени залегли в уголках его губ. Сейчас он был таким болезненно родным, что мне хотелось крепко обнять его и не отпускать.

– Конечно нет, это же моя мама.– Я улыбнулась.– В любом случае теперь ты живешь не в трейлере. От Селены тебе достался дом. Может, это ее успокоит?

– Может быть,– усмехнулся Вик и повернул направо под зеленый сигнал светофора.– Кстати, нехорошо возвращаться с почти пустыми руками.

– Мы купили сувениры.

– Знаешь, куда она мне засунет эти ловцы снов?– пробормотал Вик, и я прыснула со смеху.– Давай заедем в «Сэвен-Эллен» и купим ей что-нибудь вкусное?

– Пожалуй, стоило бы. В противном случае не только матушка, но и Хэлен вряд ли даст свое согласие на наш брак.

– А, так нам и ее надо подкупить. Ну ничего, здесь у меня есть туз в рукаве.

– Ты все продумал заранее?

Вик улыбнулся, но как-то загадочно, и под глазами у него залегли густые тени, когда мы въехали под сень деревьев, смыкающихся над головами, точно крыша.

– Я всегда все продумываю на пять шагов вперед,– сказал он, и я поняла, что он не шутит, хотя уголки его губ были приподняты.

От его слов повеяло странной прохладой, так что я притихла, отвернувшись к окну.

С Виком всегда так. Он смеется и веселится, сыплет остротами, и кажется, что перед тобой – добряк из добряков, но проходит секунда, и он говорит что-то такое, отчего по коже мурашки бегут.

Что он имел в виду под «все продумываю заранее»? Знал ли он об Овхаре, Иктоми, мире индейских богов и вендиго⁸? Полагаю, он мог о чем-то догадываться, но не быть в курсе всего. Скорее всего, так оно и было. Чтобы Вик – мой осторожный и предусмотрительный Вик, который всегда начеку и на все смотрит с крайней подозрительностью,– так спокойно принял эту новость?

Но зачем ему устраивать представление о своем полном неведении? Чтобы я не дала задний ход? Нам однозначно нужен был разговор, и я собиралась выждать удобный для этого момент.

Пикап остановился у супермаркета, прощуршав колесами по гравию. Вик накинул мне на голову свою замшевую куртку и вышел из машины. Я отстегнула ремень безопасности, выскользнув под дождь.

– Ты думаешь, я злая ведьма из «Волшебника страны Оз»?– серьезно спросила я, путаясь в бахроме, упавшей мне на лоб.– И растаю, если намокну?

– Хм.– Вик завел меня под большой прозрачный навес и задумчиво придержал за подбородок, покрутив в стороны мое лицо. Я состроила ему ехидную рожицу.– Кто тебя знает, чикала⁹? В семейной жизни и проверим.

– Дурачок.

– Навсегда твой дурачок.

Я взяла его за руку и потянула за собой в магазин. Там было тепло и светло, под потолком горели люминесцентные яркие лампы и играла приятная музыка, но в пыльном тexasском баре нам было уютнее и лучше, потому что здесь, в Скарборо, в нашем районе, люди хорошо знали меня – и знали Вика Крейна.

⁸ Вендиго – в мифологии алгонкин дух-людоед, предвестник голодной зимы и символ ненасытного голода. Считалось, что превратиться в вендиго можно в результате проклятия знахаря, укуса вендиго или каннибализма. Эти существа обладают тонким слухом, ночным зрением, нечеловеческой силой и живучестью. Они приманивают жертву свистом и способны имитировать голоса.

⁹ Чикала (цалаги) – маленькая.

Мы прошлись вдоль стеллажей. Редкие покупатели и сотрудники магазина нет-нет, но бросали на нас косые взгляды, а кто-то не выдерживал и перешептывался. Нет, это уже чересчур!

– Чего они на нас пялятся?– проворчала я, вернув Вику куртку и сосредоточенно разглядывая полку с выпечкой.

Я изо всех сил старалась не вскипеть от злости.

– Пусть пялятся, раз их жизни так скучны, что приходится следить за отношениями какого-то там индейского парня.– Вик примиряюще толкнул меня плечом.– Что ты, Лесли. Не сердись.

Точно все было в полном порядке, он невозмутимо приоткрыл дверцу холодильника, нахмурился, изучая ассортимент тортов на полках. Я пристроилась рядом, обняв его за талию, и буркнула:

– Но ты мой индейский парень.

– Да?– усмехнулся Вик.– Тогда берегись, скоро узнаешь обо мне еще больше плохого от сплетников.

– Они просто завидуют. Я увела такого жениха!– цокнула я языком и притворно попеняла пальцем в пустоту.– Ай-яй-яй, Лесли Клайд, какая же ты нехорошая, наглая девчонка! А может, Виктор Крейн негодяй и повеса, так они думают?

– Они не понимают, как я могу тебе нравиться,– мягко сказал он.– Только и всего.

– Ты индеец и уборщик, это же джекпот! Таких как ты с руками отрывают.

Он едва сдержал широкую, веселую улыбку.

Мы наконец выбрали торт – фисташковый, украшенный соленой карамелью и дорожками из кленового сиропа – и понесли его на кассу, когда Вик задумчиво остановился у стойки с канцелярией:

– Я же не привез Хэлен ничего с Потлача, кроме ловца. А что я мог, м? Еще больше дурацких сувениров? Так она сложит их в коробку и насоро позабудет.

– Это ты зря,– неодобрительно покачала я головой.– Хэлен до ужаса любит всякие безделушки.

– Я подумал, надо купить ей альбом,– сказал Вик.– Она же плетет из бисера. Будет зарисовывать в нем эскизы своих... украшений.

– Хорошая идея. А если ты прикупишь ей маркеры для скетчинга, она в тебя влюбится и у меня уведет!

Вик тихо рассмеялся, но снял с полки самый большой и дорогой набор маркеров и солидного вида скетчбук. На обложке его красовалась бегущая лошадь.

– Только не проговорись, что он отсюда,– подмигнул Вик. Я подмигнула в ответ.

– Подельники и сообщники?– игриво подставила я кулачок, и он стукнул по нему своим.

– Бонни и Клайд.

– Они плохо кончили!

– А мы кончим очень хорошо,– заметил он.

– Сперва я отучусь в колледже.

– Сперва ты выйдешь замуж, а потом колледж,– возразил Вик.– На церемонии, кстати, я должен буду, как твой муж, по традиции племени дать тебе индейское имя.

– И какое имя ты бы дал мне?

– О, я долго об этом думал.

Под недовольными взорами мы расплатились на кассе и, добежав до джипа под дождем, сели в него. Вик аккуратно положил пакет с покупками на заднее сиденье, затем провернул ключ в зажигании и включил в салоне печку. Я с сомнением поглядела на приборную панель: старенький пикап доверия мне не внушал. Лишь бы печка работала исправно и не загорелась, а то мало ли...

– Так ты не ответил, какое имя мне придумал,– заметила я, когда мы уже тронулись в путь.

– Это просто,– и бровью не повел Вик.– Чикала Ханви.

– Что ж, красиво,– мне даже душой кривить не пришлось, звучало действительно неплохо.– А что это значит? Чикала я знаю, а второе?

– Ханви – Луна,– охотно поделился Вик, и я восхитилась.

Как поэтично... Маленькая Луна. Наверняка это значит для индейцев что-то очень важное. Романтическое.

А вот и показалась крыша моего дома между деревьев. Мы почти добрались до него, когда я все же решила уточнить, пока мы не замяли тему:

– Почему же именно так, м?

Вик спокойно свернул на подъездную дорожку и заглушил мотор. Внимательно и серьезно посмотрел на меня, но в глубине серых глаз загорелись яркие искорки:

– Хочешь знать, почему Луна? Все просто, чикала.

Он торжественно помедлил, ожидая, когда я закушу от интереса и нетерпения губу, и вдруг резко бросился вперед, налег на мое кресло и отчаянно начал меня щекотать. Пока я заливалась хохотом, он прорычал:

– Да потому что ты в браке всю жизнь будешь маленькой и кругленькой, совсем как Луна, и будет у нас семья большая-большая.– Он начал умеючи щекотать меня под ребрами, и я залиvisto рассмеялась и взвизгнула, пытаясь отбиться от его рук и поджать колени к груди.– И будет у нас много-много деток, таких прехорошеньких, и тогда...

В окошко с моей стороны громко постучали, и мы оба подскочили как ужаленные – так, что Вик здорово приложился о потолок головой. Я подняла взгляд и похолодела: это была мама, не сказать что очень счастливая. Она стояла под зонтом и, сухо поджав губы, глядела на то, как мы дурачимся. В тот же миг настроение у меня резко испортилось, от волнения пересохло в горле. Вот и настал тот момент, когда придется объяснять, где я отсутствовала столько времени, и конечно, не обойдется без рассказа о Техасе. Я бы не хотела упоминать об этом, но, вероятно, она и без того догадалась, что я вовсе не с группой из колледжа проводила эти дни. Сжав плечи, я съежилась на сиденье, словно взглянув на происходящее глазами своей матери. Я приехала черт знает откуда, одетая в старую, потрепанную куртку мужчины, который маме никогда не нравился. Мужчины, которого она грубо выпроводила из своего дома этой зимой. И вот теперь он привез меня на своем разваливающемся пикапе и смеет так фривольно себя вести. Я почти видела на ее лице возмущенное «Что он себе позволяет?!». Конечно, очков бонуса мне явно не добавил факт обмана. Я попросту сбежала от нее из колледжа с Виктором Крейнсом, индейцем из Скарборо! Кошмар. Мы трупы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.